

Для цитирования: Шевченко И.С. Речевой акт как единица дискурса: когнитивно-прагматический подход // Тверской лингвистический меридиан : сб. научн. статей. – Вып. 7: В мире языка [под ред. Л.П. Рыжовой]. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2007. – С. 69–80.

Please cite as: Shevchenko, I.S. (2007). Rechevoj akt kak edinica diskursa: kognitivno-pragmaticheskij podhod [Speech act as discourse unit: a cognitive-pragmatic approach]. *Tverskoj lingvisticheskij meridian: Sb. nauchn. statej. – Vyp. 7: V mire jazyka / Pod red. L.P. Ryzhovej - Tver Linguistic Meridian: Collection of articles. #7: In the world of language / Ed. L. Ryzhova*, 69-80 (in Russian)

Ирина Семеновна Шевченко

© И.С. Шевченко, 2007

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина

РЕЧЕВОЙ АКТ КАК ЕДИНИЦА ДИСКУРСА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

«Сегодня мы хорошо понимаем, как устарели наши представления о том, что язык есть замкнутая в себе, противопоставленная речи, самодостаточная <...> система знаков и элементов <...> . Все чаще и убежденней мы говорим сегодня о языке как форме, способе жизнедеятельности человека, *способе вербализации человеческого опыта и его сознания, способе выражения личности и организации межличностного общения в процессе совместной деятельности людей*» (Сусов 1989: 9) (*курсив мой – И.Ш.*). Так еще в 80-е годы XX века Иван Павлович Сусов определил ведущие подходы лингвистики века XXI-го: когнитивный и дискурсивный. Юбилей Ивана Павловича Сусова – одного из немногих, чье имя, перешагнув национальные границы, прочно ассоциируется со становлением отечественной прагмалингвистики, дает повод обратиться к осмыслению нерешенных проблем прагматики, среди которых вопросы ее методологии, объекта и единиц анализа.

Пройдя длительный путь развития от ТРА к широкому охвату прагматико-когнитивных аспектов речевого общения, лингвистическая прагматика остается сегодня одним из ведущих функциональных направлений лингвистического анализа. Под влиянием когнитивистики в XXI веке в ней складываются новые подходы, возникают новые проблемы. В последние годы вовлечение дискурса в орбиту прагматических исследований потребовало уточнения его сущности и единиц. В данной статье делается попытка осветить дискурс как комплексное явление, как объект новой когнитивно-коммуникативной парадигмы, которая исходит из идеи нелинейности и конструктивизма, присущих науке периода постмодернизма, из системно-деятельного понимания языка, языкового сознания, общения как взаимодействия, трактует когницию на базе опыта человека. Я также хотела бы предложить уточненную трактовку единицы дискурса – речевого акта (РА) в свете когнитивно-прагматического подхода в лингвистических исследованиях.

Дискурс как совокупность языкового, когнитивного и коммуникативного аспектов. Хотя существуют различные, порой взаимоисключающие, точки зрения на дискурс, большинство исследователей соглашаются, что дискурс – это форма использования языка (*language in use*), «языковой коррелят соответствующей сферы коммуникативно-языковой деятельности, сознания человека и практики» (Чернявская 2003: 34). Когнитивно-коммуникативное толкование дискурса, принятое в данной работе, подчеркивает, что это интегральный феномен, когнитивно-коммуникативная деятельность, выступающая как совокупность процесса и результата, включающая как экстралингвистический, так и лингвистический аспект; в последнем кроме текста выделяется пресуппозиция и контекст (прагматический, социальный, когнитивный), которые обуславливают выбор языковых средств (Шевченко, Морозова 2003: 38). Это позволяет сузить круг противоречий и выстроить системное представление о дискурсе, его единицах и уровнях, теоретические основы и методы их анализа в зависимости от целей исследования. Взаимосвязанные языковые, мыслительные (когнитивные, психологические) и коммуникативные (прагматические, социолингвистические) аспекты дискурса, которые существуют как неразделимое целое, с эвристической точки зрения требуют разделения.

Прагматические исследования дискурса, интегрирующие когнитивный подход, значительно отличаются от традиционного прагматического анализа и требуют переосмысления, прежде всего, базовых понятий и единиц исследования. Современная прагмалингвистика использует диверсифицированные подходы к изучению материала, и поэтому отличается гетерогенным характером. В центре ее внимания находятся значения, которые передается в процессе коммуникации людей: значение говорящего, значение, интерпретированное слушателем, контекстуальное значение и др.

В плане методологии в соответствии с развитием основной антропоцентрической парадигмы исследования, прагмалингвистика в своем русле развития проходит определенные этапы от теории речевых актов 70х годов XX в., ограниченной в трудах Дж. Остина и Дж. Серля значением говорящего (*speaker meaning*), – до современных, базирующихся на идеях постмодернизма, концепций значения, которое ‘выстраивается’ в процессе общения говорящего и слушающего (*negotiated meaning*), и воплощается как в отдельном речевом акте, так и в дискурсе.

Разграничение понятий значения и смысла как языковой и речевой сущностей дополняется в дискурсивной парадигме представлением о конструированном характере смысла. Согласно идеям социального конструктивизма, «наш способ общения не только отражает мир, идентичности и социальные отношения, но и играет активную роль в его создании и изменении» (Филипс, Йоргенсен 2004: 15).

В плане объекта и предмета изучения дискурс представляет собой многогранную языково-когнитивно-коммуникативную предметно-познавательную сферу, которая определяется тремя аспектами:

- аспектом языкового использования;
- передачей/использованием идей и убеждений, т.е. когнитивным аспектом;
- социально-прагматическим аспектом – взаимодействием коммуникантов в определенных социально-культурных контекстах и ситуациях.

Данные аспекты изучаются, соответственно, лингвистикой, психо- и когниолингвистикой, социо- и прагмалингвистикой с использованием данных социальных наук. Поэтому понятно, что при анализе дискурса прагмалингвистика охватывает сегодня социопрагматический подход – обращение прагматики к анализу речи как социальной практики коммуникантов с учетом существующего социального устройства, поиск способов оптимизации такой практики в критическом анализе дискурса (обеспечения политкорректности и др.) а так же когнитивно-прагматический подход (так называемая когнитивная прагматика – *cognitive pragmatics* (Carston 2002)), направленный на изучение мыслительно-речевых основ коммуникации.

Дискурс мы рассматриваем как вербализованную форму социальной деятельности. Она «определяется ценностями, социальными нормами, условностями (в качестве природных идеологий) и социальной практикой, которая всегда ограничена и подвержена влиянию структур власти и исторических процессов» (Макаров, Жуков, 2003:90). Из этого вытекает неразрывная связь дискурса с ситуацией и контекстом, что позволяет определить дискурс как высказывания – единицы устно или письменно продуцированной речи, которые являются «ингерентно контекстуализированными» (Schiffrin 1994:41).

Признание роли контекста в дискурсе подчеркивает большое значение не только прагматических процедур его анализа, но и необходимость привлечения когнитивных методик. Дело в том, что в процессе создания дискурса коммуниканты постоянно меняют модель «текущего» контекста или текущего пространства дискурса (*current discourse space*), а такие модели основываются на семантическом значении и общем знании пресуппозиции дискурса, которая относится к когнитивному аспекту дискурса.

Необходимость когнитивного изучения дискурса вытекает из конструктивной природы ментальных процессов: понимание конкретного дискурса представляет собой процесс, который всегда происходит здесь и сейчас (*on-line*) и позволяет постоянное переосмысление, поэтому ментальные репрезентации прочитанного текста не являются копиями текстовых значений, а выступают «результатом стратегического процесса конструирования или воплощения смысла, которые охватывают элементы текста, знание коммуникантов о контексте, элементы их убеждений и предыдущих знаний» (van Dijk 1997: 18).

Речевой акт в структуре дискурса. Система дискурса – это гештальт, единство процесса и результата (*talk and text* (van Dijk 1997), текст в ситуации реального общения (Карасик 2002:285)), который с эвристическими

целями можно разделить на продуцирование и восприятие дискурса или его течение (аспект динамики), и текст – его результат (аспект статики). То есть текст – это только одна из составляющих дискурса – коммуникативного процесса, который ведет к созданию определенной структуры – текста. Причем дискурс является не столько корпусом отдельных текстов, сколько отношением между высказываниями, которые объединяют их в единую дискурсивную формацию («дискурсивную сетку» (Foucault 1972)).

Структура дискурса по-разному представляется отдельными лингвистами. Ее представляют как структуру обмена речевыми действиями, фазы языкового взаимодействия и др. (обзор работ приводится в: (Макаров 2003: 174-182)). С другой точки зрения, проблема заключается в том, что известные попытки смоделировать структуру дискурса нередко смешивают в одной типологии единицы речи и единицы дискурса, к тому же, одни и те же термины для определения различных единиц. Так, согласно Т.А. ван Дейку, ни текст, ни высказывание не являются единицами дискурса, в их роли выступают коммуникативные события и коммуникативные акты. В коммуникативных событиях во внимание принимаются говорящий и слушатель, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации (как и в трактовке этого термина в этнографии коммуникации).

Фокусируя внимание на устном диалогичном дискурсе повседневного общения как объекте, школа конверсационного анализа считает единицами дискурса: разговор (conversation), топик (topic), последовательность (sequence), смежную пару (adjacency pair), реплику (репликовый шаг) (turn) (Sacks, Schegloff, Jefferson 1974). Среди единиц дискурса исследователи выделяют коммуникативное взаимодействие (interaction), транзакцию (transaction), обмен (exchange), ход (move), коммуникативный акт (act) (Sinclair, Courthard 1975; Sinclair, Brazil 1982). Очевидно, что обсуждаемая иерархия – лишь эвристически обусловленное разграничение вербальных единиц, продиктованное исследовательским фокусом.

Минимальной единицей коммуникативного действия признают коммуникативный акт (Edmondson 1981), а единицей коммуникативного взаимодействия – обмен (его также определяют как интерактивный блок, простую интеракцию, элементарный цикл (Сусов 1984; Макаров 2003: 186-187)). Если в речи минимальной единицей является высказывание, то в дискурсе чаще всего такой единицей называют речевой акт (РА), определяемый Дж. Юлем как «действие, осуществленное с помощью высказывания» – извинение, комплимент, приглашение, обещание, просьба и др. (Yule 1996:47). Очевидно, что эти единицы выделяются на основании неоднородных критериев, в результате чего в систему вводятся разные (языковые, речевые, дискурсивные) сущности.

На наш взгляд, дискурс является системой единиц различных уровней, в которой обнаруживаются не прямые соответствия системе речи, хотя сами эти системы различны: уровни дискурса определяются когнитивно-прагматическими критериями, уровни языка – структурными. Единицы речи

с определенной долей условности коррелируют с единицами дискурса: высказыванию – реплике – диалогическому единству – микродиалогу – макродиалогу – тексту в определенной степени соответствуют РА – ход – шаг (обмен) – транзакция – речевое событие – дискурс.

Наибольшие дискуссии (вплоть до отрицания его ‘права на существование’) в настоящее время вызывает такая единица, как речевой акт. Дискурсивная методология требует переосмысления этого понятия. В классической теории РА он определяется как минимальная единица речевого действия (в отличие от взаимодействия) (Остин 1986) и практически ограничивается аспектами говорящего и его интенции. В новой когнитивно-коммуникативной парадигме, где постмодернизм пришел на смену механистичности и реализму, а конструктивизм – интерпретационализму, понятие РА не отбрасывается, а получает новое содержание. Толкование дискурсивного значения как конструкта подчеркивает активную роль слушающего, требует уделения внимания контексту и ситуации, пресуппозициям, которые разделяют коммуниканты.

Дискурс имеет интерактивную природу; это не только действие, но взаимодействие, ср.: в коммуникативном событии коммуниканты ‘делают’ что-то большее, чем просто используют речевые акты или передают идеи – они ‘*взаимодействуют*’ (van Dijk 1997: 2) (*курсив мой – И.Ш.*). Соответственно, РА является не только действием, а скорее взаимодействием, единицей когнитивно-коммуникативного характера, как и сам дискурс (РА отличается от двухсторонних единиц дискурса, начиная с обмена, где формально представлены речевые вклады говорящего и слушателя) (ср.: РА – это «прежде всего, интеракционный акт, акт межличностного речевого общения» (Карабан 1989: 51)). Таким образом, минимальной единицей дискурса мы считаем речевой акт – **речевое взаимодействие говорящего и слушающего для достижения определенных перлокутивных целей говорящего путем конструирования ими дискурсивного значения в ходе общения.**

В РА выделяем следующие ведущие аспекты (Шевченко 1998: 43), причем их представленность в РА обязательна/факультативна в зависимости от типа РА (Рис.1):

- (1) адресантный, (2) адресатный (интерперсональный), (3) интенциональный, образующие антропоцентрический блок в РА и описывающие коммуникантов и цели их коммуникации;
- (4) контекстный, (5) ситуативный, (6) метакоммуникативный аспекты — в этом блоке отображаются условия и способы реализации РА;
- (7) денотативный, (8) локутивный, (9) иллокутивный аспекты — центральный блок в РА, описывающий высказывание: его содержание, форму и воздействующую силу, что соответствует плану содержания, плану выражения и актуализации высказывания в речи.

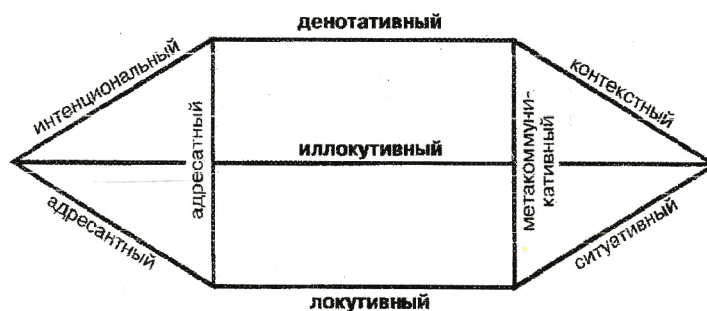

Рис.1. Аспектная модель речевого акта

В содержании аспекта адресанта отражаются социальные и ситуативные роли говорящего, его коммуникативные и психологические характеристики. Этот аспект, во-первых, определяет содержание сообщения и его иллокутивную силу, поскольку «функции не являются внутренне присущи объекту реальности, они всегда зависят от наблюдателя» (Searle 1995:14). В этом смысле можно говорить о 'направляющей' и смысло-конструирующей роли аспекта адресанта в РА. Во-вторых, на основе сведений об адресанте, эксплицитно либо имплицитно представленных в высказывании, у адресата возникает образ адресанта, который влияет на дальнейшее речевое поведение говорящего. Тем самым данный аспект влияет на формирование стратегий и тактик коммуникации. С точки зрения представленности в РА аспект адресанта является 'мерцательным': он обязателен для одних РА (*I congratulate you*) и факультативен для других.

К адресатному аспекту относим слушателя в совокупности его социальных и ситуативных ролей, знаний о мире, мотивов и целей и пр. Адресаты разнятся своей коммуникативной сущностью: выделяют собственно адресата, адресата-ретранслятора, квазиадресата, косвенного адресата, со-адресата и др. (подробнее см. (Почепцов 1986:10-17)). Социально-ситуативные характеристики слушающего важны для определения интерперсональной линии адресант-адресат в РА. Представленность слушающего в высказывании языковыми средствами является обязательной лишь для некоторых типов РА, например: *Могу я попросить Вас об одолжении?* Тем не менее, учет социальных и психологических параметров адресата (в том числе гипотетического) и его взаимоотношения с адресантом определяют как тональность высказывания, то есть официальность, эмпатию, ироничность и др. так и выбор типа РА, (например, реквестива или инъюнктива), прямого или косвенного способа реализации иллокуции в зависимости от межличностных отношений коммуникантов.

В интенциональном аспекте представлена совокупность важнейших параметров, определяющих общение: когнитивного (интенция высказывания возникает у адресанта и распознается адресатом на основе ментальных процессов осознания предыдущего опыта), коммуникативно-ситуативного, психологического (мотивационного) и др.

Установить характер коммуникативной интенции высказывания-предложения, его иллокутивную силу, оценить прагматический эффект можно только в широком контексте с учетом его взаимосвязей с другими предложениями. Важность контекстного аспекта трудно переоценить: посредством произнесения одного и того же предложения в различных контекстах можно произвести различные речевые действия. Например, смысл индексального высказывания *Я буду дома через пять минут* может конструироваться участниками общения как сообщение, обещание, успокоение, предупреждение/угроза и кроме того, в различных контекстах осуществляется референция к разным коммуникантам, месту и времени, разным денотатам. (О смыслообразующей функции контекста см, например, (Schiffrrin 1987)). В базовой модели РА аспект контекста чаще всего выражен имплицитно.

Значительная роль в определении коммуникативной интенции конкретного предложения-высказывания, его иллокутивных функций отводится и аспекту ситуации как референта высказывания.

Метакоммуникативный аспект отражает широкий спектр сведений: о принципах выбора канала связи, о его работе, о языковых элементах, обеспечивающих эту работу (фатическая функция), о 'технике' ведения коммуникации, о стратегиях и тактиках передачи информации по избранному каналу связи и синтагматических отношениях между РА. Тем самым, к метакоммуникативному аспекту мы относим средства контактоустановления, обеспечивающие начало, продление и размыкание речевой интеракции, а также принципы коммуникации. Метакоммуникативный аспект может быть представлен имплицитно или эксплицитно (например, в виде отдельных или сопутствующих фатических метакоммуникативных РА: *How do you do?*; *Peter, what's the time?*).

Денотативный аспект (пропозиция, информационное содержание высказывания) составляет ядро содержания сообщения. Информацию можно понимать в узком смысле — факты, сведения, предписания, и в широком — как всякое выражение человеческой деятельности, состоящее в изменении количества и качества информации, которой обладают участники деятельности, что приводит к изменению их поведения. Широкая трактовка информации позволяет рассматривать наличие денотативного аспекта как обязательное для любого типа РА (вплоть до бессознательных речевых действий больного, которые служат средством получения медицинской информации для врача, или особых языковых формул психического воздействия в 'суггестивном' дискурсе в практике психоанализа и гипноза).

Являясь формой выражения содержания высказывания, локутивный аспект принадлежит к числу центральных элементов модели РА. Хотя структура высказывания, важна для определения его прагматических характеристик, конкретные лексико-грамматические средства не входят в базовую модель РА.

Ведущее место в прагмалингвистике и теории речевых актов отводится аспекту иллокуции. В частности, Дж.Серль даже употребляет понятия

речевого и иллокутивного акта синонимично: “производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт и есть минимальная единица языкового общения” (1986: 152). Дж.Серль и Д.Вандервекен определяют иллокутивную силу как “упорядоченную последовательность семи элементов: иллокутивной цели, способа достижения иллокутивной цели, интенсивности иллокутивной силы, условий пропозиционального содержания, предварительных условий, условий искренности, интенсивности условий искренности данной иллокутивной силы” (1986: 261-262) (под условиями искренности понимается совокупность психологических состояний говорящего).

Структурно границы РА и предложения/высказывания, как отмечает И.П. Сусов и другие исследователи, могут не совпадать (Сусов 1984:11). «Один иллокутивный акт всегда отделен от другого границей предложения, при этом иллокутивный акт, выражающийся одним предложением, может быть составным» (Дейк 1978:301). В приводимом Д.Вандервекеном примере высказывание *If you do not want to take off your hat, leave this house* представляет собой директив, релевантный при указанном условии (1980:248) (подробнее о сложных РА в: (Карабан 1989)).

Понятие **перлокуции** остается наименее исследованным в теории РА. Под перлокутивным воздействием понимается “речевое воздействие на объект (ситуация C_1), которое может вызвать некоторую ситуацию (ситуация C_2), субъектом которой является объект воздействия” (Почепцов О.Г. 1987:54). Корни понятия перлокуции мы усматриваем в традиционно-герменевтическом понятии “применение”, которое считается неотъемлемой частью процесса понимания, состоящего из трех моментов: понимания, истолкования, применения. Подобно тому, как применение является интегральной составляющей частью герменевтического процесса, перлокуция в нашем понимании также занимает свое место в системе речевого общения. Однако вопрос о вхождении перлокуции в состав речевого акта не нашел пока однозначного решения в лингвистике.

Если локутивный и иллокутивный акты неразрывны в том смысле, что «при реализации любого локутивного акта необходимо совершается некоторый иллокутивный акт» (Почепцов О.Г.1987:57-58), то перлокутивный акт, с нашей точки зрения, не входит в этот гиперкомплекс, а является следствием его реализации (ср.: И.П.Сусов считает РА не единицей общения, а единицей сообщения, то есть передачи информации (1984: 5-6)). Перлокутивный эффект есть не что иное, как “ответный ход партнера по взаимодействию” (Карабан 1989:38). На этом основании мы выносим аспект перлокуции за рамки РА и усматриваем его проявление в ответном РА, обладающем собственной структурой и перлокуцией. Тем самым в синтагматическом плане аспект перлокуции (за исключением инициальных и завершающих реплик общения) имеет двойственный характер и реакции, и стимула одновременно. В когнитивном сценарии реализации РА в дискурсе перлокуция проявляется в связи отдельных РА друг с другом.

Объединенные в последовательность, речевые акты создают речевой ход (move), хотя речевой ход может состоять из одного РА говорящего. Речевой ход соответствует понятию реплики и в диалоге определяется границами речи одного говорящего. Последовательность связанных речевых ходов составляет речевой шаг или обмен, который трактуется как смежная пара реплик (Levinson 1983), интерактивный блок (Сусов 1984: 7) или диалогическая совокупность. Элементарная диалогическая совокупность как единица речи является обменом из двух ходов (стимул – реакция), а сложные обмены могут насчитывать три или более реплик – ходов (например, стимул – реакция – подтверждение - ... и т.д.). В классической прагмалингвистике элементарный обмен, как правило, определялся как базовая единица речевого общения – взаимодействие нескольких коммуникантов. Об этом говорит и его название «дискурсивный акт» в работе (Henne, Rehbock 1982), и противопоставление обмена и РА как минимальной единицы речевого действия одного говорящего. Противопоставление действия и взаимодействия, важное для функционально-синтаксического исследования, не является релевантным для когнитивно-коммуникативной парадигмы анализа дискурса, где понимание значения как конструкта акцентирует активную роль слушателя в его использовании, а, следовательно, всякую единицу дискурса можно считать взаимодействием.

Последовательность нескольких речевых шагов, соединенных тематически и служащих достижению поставленной цели общения, обозначается как транзакция – соответствие понятия (микро)диалога в речи. В фатическом общении транзакции дискурса совпадают с фазами коммуникации: вслед за Г.Г. Почепцовым, их определяют как транзакции установления, поддержания и размыкания контакта (Матюхина 2004).

Самым крупным элементом в структуре дискурса является речевое событие (speech event) (Ван Дейк 1989), которое определяют как завершенное речевое общение, разговор, интеракцию, что соответствует в речи макродиалогу или (макро)тексту. По Т.Ван Дейку, речевое событие означает, что «люди пользуются языком для того, чтобы передать идеи или убеждения (либо выразить эмоцию), делая это как часть более сложных социальных событий, например, в таких специфических ситуациях, как встреча с друзьями, телефонный звонок, <...> когда пишут или читают статью в газете» (van Dijk 1997:2). Таким образом, примерами речевого события служат устные и письменные дискурсы: переговоры, телефонные разговоры, беседы с врачом, тексты писем и т.д.

Принятие во внимание комплекса категорий, устной/письменной формы дискурса, структуры дискурса и др. позволяет вычленить отдельные виды коммуникативных событий – рекламу, поэму, газетные новости и пр., которые иногда называют жанрами дискурса (van Dijk 1997:7). В отечественной лингвистике эти идеи возникли значительно раньше. Еще размышления М.М. Бахтина про жанр положили начало современной теории речевых жанров, или жанристике (генристике), хотя, как известно, они не были оформлены автором в стройную концепцию в духе модели языковой

коммуникации. Связывая вербальное поведение с социальными факторами, М.М. Бахтин определяет словесное (как и знаковое в целом) поведение людей через понятие общественной психологии, которая «дана в основном в различных формах высказывания, в форме малых речевых жанров, внутренних и внешних» (Бахтин 1993:23), это кулуарные разговоры, манера словесной реакции, обмен мыслями в театре, на концерте, на разных общественных собраниях». Социально-психологическое видение жанра М.М. Бахтиным проявляется и в том, что он относит жанры разговорной речи к области, «жизненной идеологии», ср.: «бытовой жанр укладывается в отведенное для него русло социального общения, будучи идеологическим отражением своего типа, структуры, цели и социального состава» (Бахтин 1993: 107). Таким образом, фактически речь идет о более широких жанрах поведения представителей определенной культуры, которым присущи и определенные жанры речи.

Исходя из Бахтинского понимания первичности социального невербального поведения для определения жанра речи, в лингвистических исследованиях В.В. Дементьева, К.Ф. Седова речевой жанр трактуется как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» (Дементьев, Седов 1998), а научное направление исследований – как социопрагматическое жанроведение. Авторы говорят о существовании ‘жанра’ просьбы, приглашения, вопроса, благословения и пр., которые фактически являются речевыми актами, и анализируют их методами речеактового анализа вместе со стилистическим и социолингвистическим описанием. Тем самым в определенной степени объединяются подходы и исследовательские приемы прагма-социолингвистики и стилистики. Представляется, что такая трактовка жанра сужает это понятие до высказывания по сравнению с его трактовкой в стилистике, а также вызывает терминологические затруднения из-за синонимичного употребления термина «дискурсивный жанр» для обозначения РА того или иного типа. Если пользоваться понятием жанра в его традиционной стилистической трактовке, а единиц дискурса – в прагмалингвистическом, то в теории дискурса можно говорить о стилистических особенностях дискурса и его единиц (иронии, метафоре и пр.): например, описывать различные РА и стратегии дискурса в жанре политической (электоральной) речи, в жанре дебатов и пр.

Сказанное позволяет сделать следующие **выводы**. Прагмалингвистика на современном этапе своего развития является дискурсивной дисциплиной и по методологии, и по предметной сфере своего анализа. Прагматические исследования дискурса с интегрированным когнитивным подходом в методологическом плане базируются на следующих посылах:

- Когнитивно-коммуникативной исследовательской парадигме;
- неразрывном объединении мыслительных и коммуникативных аспектов общения;
- определении активной роли и говорящего и слушателя в дискурсе;

- толковании дискурсивных значений как конструируемых говорящим и слушателем в дискурсе.

Что касается объекта исследования, когнитивно-прагматическое изучение дискурса фокусируется и на дискурсе в целом, и на его единицах. Дискурс представляет собой многоаспектную языково-когнитивно-коммуникативную систему-гештальт, которая определяется совокупностью трех аспектов: аспекта языкового использования, передачей/использованием идей и убеждений (когнитивный аспект), социально-прагматическим аспектом – взаимодействием коммуникантов в определенных социально-культурных контекстах и ситуациях.

Минимальной единицей дискурса является переосмысленный речевой акт – речевое взаимодействие говорящего и слушателя для достижения определенных перлокутивных целей говорящего путем конструирования ими дискурсивного значения в ходе общения. РА состоит из аспектов адресанта и адресата, иллокутивного, денотативного, локутивного, интенционального, ситуативного, контекстуального, метакоммуникативного аспектов и разворачивается по определенному когнитивному сценарию с учетом прагматических пресуппозиций. РА представляется достаточно адекватным для обозначения минимальной единицы дискурса, поскольку, с одной стороны, когнитивно-дискурсивный подход обеспечивает его новую трактовку, достаточно адекватную для анализа дискурса, с другой стороны, многолетняя традиция употребления в научной литературе делает его удобным средством лингвистического описания. Перефразируя английскую поговорку, *речевой акт умер – да здравствует речевой акт!*

Литература:

1. Бахтин М.М. Марксизм и философия языка. — М., 1993.
2. ван Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — Вып. 8. — С.259-336.
3. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. — Саратов: УСПИ, 1998.
4. Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований. — Киев: Вища школа, 1989.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
7. Макаров М.Л., Жуков И.В. Критический анализ дискурса в начале XXI века// Материалы междунар. Конф., посв. 60-летию ф-та ин.яз. Ч.2. — Тверь: ТГУ, 2003. — С. 89 – 102.
8. Матюхина Ю.В. Развитие системы фатической метакоммуникации в английском дискурсе XVI – XX вв.: Дисс. ... канд. филол.наук: 10. 02.04. — Харьков, 2004.
9. Остин Дж. Д. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — № 17. — С. 22-130.
10. Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике: Межвуз. сб. научн. трудов. — Пятигорск, 1986. — С.10-17.
11. Почепцов Г.Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения // Языковое общение: единицы и регулятивы: Межвуз. сб. научн. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1987. — С.26-38.

12. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. — К.: Вища школа, 1986.
13. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С.151-169.
14. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 18. — С.242-263
15. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Межвуз. сб. научн. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1984. — С.3-12.
16. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. научн. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1989. — С.9-16.
17. Филипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков:ИГЦ, 2004.
18. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стилль. Проблемы экономического дискурса. — СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2003. — С.11-22.
19. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16 – 20 вв.: Монография. — Харьков: Константа, 1998.
20. Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник Харків. нац. ун-ту. ім. В.Н. Каразіна. — 2003. — № 586. — С. 33-38.
21. Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics // Mind and Language. — 2002. — V.17. — No.1-2 — P. 127-148.
22. Dijk T.A., van. The study of discourse // Discourse studies: A multidisciplinary introduction: In 2 vol. / Ed. by T.A. van Dijk. — L., etc.: Sage, 1997. — Vol. 1.: Discourse as structure and process. — P.1-34.
23. Edmondson W. Discourse: A Model for Analysis. — London: Sage, 1981.
24. Foucault M. The Archeology of Knowledge. — L.: Routledge, 1972.
25. Henne H., Rehbock H. Einfuhrung in die Gesprachsanalyse. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1982.
26. Levinson S.C. Pragmatics. — London etc.: Oxford University Press, 1983.
27. Sacks H., Schegloff E., Gefferson G. A simplest systematic of turn taking for conversation//Language. — 1974 — V.50 — P.695-735.
28. Schiffrin D. Approaches to discourse. — Oxford, Cambridge, 1994.
29. Searle J. The Construction of Social Reality. — N.Y., London, etc.: The Free Press, 1995.
30. Sincler J., Brazil D. Teacher Talt. — Oxford: OUP, 1982.
31. Sincler J., Coulthard R. Towards an Analysis of discourse. — Oxford: OUP, 1975.
32. Vanderveken D. Illocutinary logic and self-defeating speech acts // Speech act theory and pragmatics. Ed. by J.R.Searle et al. — Dordrecht et al.: Reidel, 1980. — P.247-273.
33. Yule G. Pragmatics. — Oxford:OUP, 1996.